

Министерство образования и науки РФ
Алтайский государственный университет

Е. Ю. Сафронова

**ДИСКУРС ПРАВА
В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
1846–1862 гг.**

Монография

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2013

УДК Р2
ББК 83.3(2)5–8
С 217

Научный редактор:

доктор филологических наук, профессор С. М. Козлова

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор О. Г. Левашова,
доктор филологических наук, профессор В. И. Габдуллина,
кандидат юридических наук, доцент А. А. Васильев

Сафронова, Е. Ю.

С 217 Дискурс права в творчестве Ф. М. Достоевского 1846–1862 гг. [Текст] : монография / Е. Ю. Сафронова ; под науч. ред. С. М. Козловой. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. — 182 с.
ISBN 978-5-7904-1385-8

Монография посвящена актуальной проблеме современного литературоведения — исследованию дискурса права в творчестве Ф. М. Достоевского 1846–1862 гг. Исследуется эстетика и поэтика раннего творчества Ф. М. Достоевского как база криминально-правовых сюжетов и мотивов романов Пятикнижия, производится реконструкция нарративных моделей правового дискурса, а также дается новая интерпретация художественных текстов и некоторых фактов биографии писателя в свете его правовой концепции.

Для преподавателей вузов и школ, студентов и аспирантов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей русской культуры и творчеством Ф. М. Достоевского.

УДК Р2
ББК 83.3(2)5–8

*Настоящее издание опубликовано в рамках реализации
Программы стратегического развития
Алтайского государственного университета*

ISBN 978-5-7904-1385-8

© Сафронова Е. Ю., 2013
© Оформление. Издательство
Алтайского государственного
университета, 2013

Оглавление

Введение	5
Глава 1	
Формирование базовых составляющих правового дискурса в раннем творчестве Ф. М. Достоевского 1846–1849 гг.	
Своеобразие культурной ситуации первой половины XIX в	15
1.1 История Горшкова — криминальный микросюжет в структуре романа «Бедные люди»	21
1.2 Диалектика правового и нравственного в рассказе «Честный вор»	33
1.3 Нравственно-психологические аспекты криминальных мотивов в повести «Хозяйка»	45
1.4 Мотив «гений и злодейство» в повести «Неточка Незванова»	55
Глава 2	
Поэтика и метафизика преступления и наказания в «Записках из Мертвого дома». Жанровая проблематика произведения	70
2.1 Сентиментальный код	73
2.2 Позитивистский код	77
2.3 Метафизический «дантовский» код	82
2.3.1 Семантика заглавия	84
2.3.2 Роль театральных мотивов в «пенитенциарном» сюжете	86
2.3.3 Художественный «кодекс» Достоевского: иерархия преступлений	91
2.3.4 Индивидуация криминального факта: автопсихологический аспект	96
2.3.5 Художественный «кодекс» Достоевского: система наказаний	103
Глава 3	
Романный нарратив правового дискурса:	
«Униженные и оскорбленные»	109
3.1 Нарратив «надзора» в криминальном романе Достоевского	110
3.1.1 Герои-осведомители: слуги, парвеню, сыщик	111
3.1.2 Писатель как идеал «соглядатая»	115

3.2	Криминология романа	119
3.2.1	Авантюры князя Валковского	121
3.2.2	Преступления по страсти (Смитиха, Наташа)... ..	126
3.2.3	«Русское преступление — словесно»	128
3.3	Нарративные модели «неформального» правосудия	130
3.3.1	Дуэль: «шиллеровские» герои и «деловой» человек	130
3.3.2	Отказ от «практического применения закона»	131
3.3.3	Суд человеческий	135
3.3.4	Домашний суд	137
3.4	Наказание: отсутствие дисциплинарных институтов	140
3.4.1	Нравственный императив как основание «эгоизма страдания»	140
3.4.2	Метафизика воздаяния	142
3.5.	От «Униженных и оскорбленных» к криминальным нарративам великого Пятикнижия.....	143
	Заключение	149
	Библиографический список	155

Введение

Достоевский все еще продолжает
оставаться сфинксом русской литературы.
Отверженный Н. Штирнер и Достоевский

Современный этап развития науки в целом характеризуется тенденцией к интеграции научного знания разных отраслей, ростом интереса к междисциплинарным исследованиям. В настоящий момент можно констатировать факт тесного взаимодействия филологии и других гуманитарных наук: истории, психологии, социологии, искусствоведения, политологии, философии. В лингвистике появились такие научные направления, как этнолингвистика, психоллингвистика, социоллингвистика, лингвокультурология. В области литературоведения интегративными научными тенденциями отвечают работы Р. Барта («Критика и семиотика»), Ю. М. Лотмана («Культура и взрыв»), И. П. Смирнова («Психодиахронологика») и т. д.

В последнее время особенно заметна интеграция правоведения и других дисциплин гуманитарного поля. В 90-е гг. XX в. создана новая комплексная научная дисциплина — юрислингвистика. Правовая тематика активно проникает в философский дискурс, примером чему служат исследования, созданные на границе разных наук: П. Рикер «Торжество языка над насилем» (1996) (философия, языкознание, правоведение); М. Фуко «Надзирать и наказывать» (1999), «Интеллектуалы и власть» (2002) (философия, юриспруденция, история); Р. Уортман «Властители и судьи» (2004) (история, правоведение, социология, философия) и др.

Опыты подобных исследований в области соприкосновения юриспруденции и литературоведения, в частности, правового дискурса русской литературы, малочисленны, хотя активный интерес русских писателей к юридической проблематике прослеживается на всем протяжении развития русской словесности. А. Н. Радищев, А. С. Пушкин, М. П. Погодин, Н. В. Го-

голь, Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. М. Гаршин, В. Г. Короленко, А. П. Чехов, Л. Н. Толстой и другие авторы уделяли особое внимание современным им проблемам юриспруденции и правового устройства общества не только в своем творчестве, но и в общественной деятельности. Например, благодаря «Юридическим наброскам», «Опыту о законодательстве» и «О законоположении» А. Н. Радищев считается основоположником уголовной статистики и криминологии; Г. Р. Державин при Александре I (1802–1803 гг.) становится министром юстиции¹. Деятельность комиссии М. М. Сперанского по созданию нового законодательства была приостановлена в результате вмешательства императора под влиянием статьи Н. М. Карамзина «О старой и новой России», опубликованной в журнале «Вестник Европы»². Эта же статья стала причиной решения Николая I о собрании и упорядочивании существующих законов взамен проекта создания новых по образцу европейских.

В истории русской культуры есть эпохи, когда в обществе становится особенно актуальной непосредственная связь литературы и права. Такая ситуация наблюдалась, например, в середине XIX в. и была обусловлена подготовкой и проведением судебной реформы 1864 г.

Безусловно, наибольшей выраженности и глубины рассмотрения вопросы права достигают в творчестве Ф. М. Достоевского — автора, отличающегося постоянной литературно-правовой рефлексией. Переживший опыт процесса петрашевцев, внезапно завершившегося ситуацией «Достоевский на эшафоте — одной из базовых мифологем русской культуры» [Волгин, 2000, с. 563], писатель постоянно использует в творчестве криминальные мотивы.

По словам Т. С. Карловой, «начиная с 60-х гг. в творчестве Достоевского нет такого произведения, где так или иначе: эпизодически, в связи с главной мыслью или даже в отдельных репликах — не звучала бы тема русского суда» [Карлова, 1975, с. 4]. Пик интереса Ф. М. Достоевского к проблемам права совпадает с эпохой начала 60-х гг., когда в России активно обсуждались вопросы подготовки и проведения реформы судебной систе-

¹ Исполняя должности министра юстиции, губернатора, статс-секретаря императрицы, сенатора, Г. Р. Державин сочетает госслужбу с литературным творчеством — пишет обличительные оды. Однако позднее он сочиняет такую эпитафию на самого себя: *Здесь лежит Державин, / который поддерживал правосудие; / но подавленный неправдою, / пал, защищая законы* (цит. по: [Уортман, 2004, с. 192]).

² «Для старого народа не надо новых законов...», — писал в 1811 г. Карамзин, полемизируя с кодификационными проектами Сперанского [Уортман, 2004, с. 237]. Писатель восставал против управления Россией посредством закона, поскольку это было только обманом, позволявшим сановникам править именем закона, тогда как в действительности их волновал лишь собственный корыстный интерес.

мы. Достоевский, и как журналист, и как писатель, не мог остаться в стороне от этого движения.

Изучение темы суда в творчестве автора, как отмечает Т. С. Карлова, началось сразу же после его смерти. 2 февраля 1881 г. в годовом собрании Юридического общества при Санкт-Петербургском университете А. Ф. Кони произносит речь о Ф. М. Достоевском, в которой выражает восхищение верностью и глубиной поставленных писателем специальных вопросов уголовного исследования. Сопоставляя страницы творчества художника с некоторыми параграфами «Уложения о наказаниях» и «Устава уголовного судопроизводства», знаменитый юрист находит их полную идентичность и называет Достоевского выразителем необходимости «перехода нашего суда от отживших старых форм к новым» [Кони, 1968, т. 6, с. 419]³. С протестом против мнения юриста по поводу художественного творчества писателя выступил критик Н. К. Михайловский. Он заявил, что «г. Кони придавил покойника своей похвалой», что «певец униженных и оскорбленных достоин лучшего понимания и анализа, чем „маленький-маленький“ анализ мер пресечения, способов уклоняться от суда и прочих вещей, доказывающих лишь научную ценность за поэтическими произведениями» [Михайловский, 1897, т. 5, с. 415, 413]. Тем не менее проблема «Достоевский и суд», по мнению Т. С. Карловой, утвердилась в традиции исследования творчества писателя, но как периферийная, узкоспециальная, не имеющая выхода за пределы истории суда [Карлова, 1975, с. 5].

Криминальная проблематика произведений писателя долгое время оставалась предметом изучения юристов, которые рассматривали художественное творчество как иллюстрацию юридического положения, посвящая сравнению документальной и художественной криминографии отдельные статьи: Ю. Новицкий «Ф. М. Достоевский как криминалист» (1921), В. Гольдинер «Салтыков-Щедрин и Достоевский об адвокатуре (По материалам дела Кронеберга)» (1961), «Проблема правосудия в творчестве Ф. М. Достоевского (К 140-летию со дня рождения)» (1961), Н. Азаркин «Русская идея в юриспруденции Ф. М. Достоевского» (1998). Наибольший интерес из работ юристов вызывают работы И. Г. Голякова: статья «Правосудие и художественная литература» (1958), монографии «Суд и законность в художественной литературе XIX в.» (1956), «Суд и законность в художественной литературе» (1959). Однако стоит заметить, что при таком подходе игнорировалась специфика творческого решения писателем криминальной ситуации, против чего возражал профессор Б. И. Бурсов: «Открытия Досто-

³ Повторяя и развивая мысли А. Ф. Кони о большом вкладе Достоевского в юридическую науку того времени, в частности в уголовное право, пишет Mario A. Cattaneo (цит. по: [Параккини, 2004, с. 30]).

евского в области психопатологии и криминалистики надо рассматривать лишь в связи с его художественными открытиями, как сопутствующие этим последним» [Бурсов, 1979, с. 101].

Одним из первых опытов филологического исследования правового дискурса творчества Достоевского была работа В. В. Виноградова «О художественной прозе» 1930-х гг. [1980], где он рассматривает риторические формы юридических материалов в «Дневнике писателя».

В 70-е гг. XX в. появились литературоведческие работы, основывающиеся на том, что «размышления Достоевского о суде далеко выходят за рамки юриспруденции» [Карлова, 1975, с. 3]. Филологическая научная традиция в изучении темы преступления и наказания в творчестве писателя представлена именами Г. К. Щенникова, Т. С. Карловой, Ю. Ф. Карякина, Р. Н. Поддубной, В. Д. Рака, Н. Д. Тамарченко, Э. М. Румянцевой, Л. Параккини, И. А. Соловьевой, В. А. Жарова и др.

Ценными для нашего исследования и знаковыми в контексте филологических работ являются две монографии Т. С. Карловой: «Достоевский и русский суд» (1975) и «Нравственно-правовые проблемы в русской журналистике 60–70-х гг. XIX в. и творчество Достоевского» (1981). В них предпринята попытка изучения судебной темы в зрелом творчестве и в публицистике писателя в контексте исторической ситуации его времени. Не менее значимыми в контексте избранной темы является ряд статей Г. К. Щенникова, в которых анализируется творчество Достоевского на фоне общественной жизни XIX в.: «Проблемы правосудия в публицистике Достоевского 70-х годов» (1971), «Суд и правосудие в „Братьях Карамазовых“ и идеалы Достоевского» (1974), «Проблема правосудия в „Дневнике писателя“ и романе „Братья Карамазовы“» (1978). Особенности криминального сюжета, психологии героя-преступника уделялось внимание в исследованиях В. Б. Шкловского, Г. М. Фридендера, Ю. И. Селезнева, Н. Чиркова, Г. Чулкова, Ю. Лебедева и др. В статьях И. Д. Якубовича «Братья Карамазовы» и следственное дело Д. Н. Ильинского» (1976), и Б. Г. Реизова «К истории замысла „Братьев Карамазовых“ (1970) ставятся проблемы взаимосвязи уголовно-судебной практики и художественного творчества писателя.

Сопоставительному анализу криминальной тематики творчества Достоевского и других авторов посвящены статьи Н. Д. Тамарченко «Тема преступления у Пушкина, Гюго и Достоевского» (1974), «Мотивы преступления и наказания в русской литературе (Введение в проблему)» (1998), И. Я. Шияновой «„Воскресение“ Л. Н. Толстого и «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского (К проблеме одной литературной традиции)» (1989), А. В. Банах «Антиномия соборности и закона у Достоевского и Фолк-

нера» (1999). Только отчасти темы преступления касаются работы В. С. Нечаевой «Ранний Достоевский 1821–1849» (1979), Р. Я. Клейман «Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко-культурной перспективе» (1985), Н. С. Кривошеевой «По ту сторону зла» (1987) и др.

С недавнего времени усилилось внимание к отдельным художественным произведениям Достоевского, связанным с юридической проблематикой: Р. Н. Поддубная «Проблема преступления и наказания в романе „Преступление и наказание“» (1976), Р.-Л. Джексон «Вынесение приговора Федору Павловичу Карамазову» (1976, 1978, 1998), В. Д. Рак «Юридическая ошибка в романе „Братья Карамазовы“» (1976, 2003) Л. И. Сараскина «Художественная улика в „Бесах“» (1997) и др. Для обозначения героя, склонного к нарушению правовых норм, ученые активно пользуются термином самого Достоевского — «антигерой» («Записки из Подполья» [т. 5, с. 178]) (В. А. Бачинин, Н. Позднякова, Н. А. Рабкина, А. В. Злочевская).

Среди публикаций последних лет в первую очередь обращает на себя внимание статья Э. М. Румянцевой «Проблема преступления и наказания в творчестве Ф. М. Достоевского» (1987). Исследователь ставит перед собой задачу углубления школьного изучения романа «Преступление и наказание», в связи с чем делает попытку рассмотреть художественный мир писателя как единый криминальный текст, том числе обращаясь и к раннему творчеству. И. А. Соловьева на материале первого романа Пятикнижия рассматривает проблему суда, пытаясь совместить литературоведческий, религиоведческий и философский подходы. Е. К. Дорошева посвятила диссертацию этой же проблеме. Юридические страницы творчества писателя в широком литературном контексте в учебном пособии «Вопросы судопроизводства в творчестве Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова» (1996) рассматривает Н. С. Прокурова.

Из новейших исследований, посвященных проблеме, назовем диссертацию В. А. Жарова «Ф. М. Достоевский и философия права 1860-х гг.» (2003) и монографию Л. Парракини «Вопросы юриспруденции и творчество Достоевского» (2004). К сожалению, эти авторы не учитывают замечания Б. И. Бурсова, ставя перед собой задачи, не релевантные современной методологии литературоведения, — «иллюстрация правовых концепций», «отражение», «демонстрация» философско-правовых взглядов Достоевского в его произведениях, «сопоставление литературных и юридических документов» [Жаров, 2003, с. 3] или «юридический анализ текстов Достоевского» [Парракини, 2004, с. 8].

В целом остается без внимания вопрос, как в раннем творчестве Достоевского изначально формировался, вызревал криминально-правовой нарратив, определивший структуру, мотивы, образы его великих романов.

Важно подчеркнуть, что наряду со злободневными для эпохи Достоевского идеями права, в его произведениях открывались и оживленно обсуждались темы вневременного значения, позволяющие увидеть актуальную универсальность криминальной тематики. В начавшемся в последние десятилетия активном переосмыслении философских взглядов писателя (Н. Д. Белопольский, Л. Аллен, С. Сальвестрони, К. Никамура, Р. Лаут, Д. Пачини, А. А. Иванова, О. С. Соина и др.) для нас особенно важно обращение к философии преступления. В этом отношении заслуживает пристального внимания книга В. А. Бачинина «Достоевский: метафизика преступления (художественная феноменология русского протомодерна)». Предпринимая попытку вписать творчество Достоевского в контекст мировой философской мысли, исследователь рассматривает художественную и публицистическую криминографию писателя с разных точек зрения: метафизической, социологической, психологической, исторической и др. Большое внимание уделяется судебным фактам жизни автора, выдвигается гипотеза, согласно которой биография Достоевского включается в парадигму культуры Серебряного века, а образ Николая Ставрогина является антропоморфной микромоделью петербургской цивилизации.

Ряд исследователей высказывает мнение о сложной организации криминально-следственных мотивов творчества писателя. В частности, Э. М. Румянцева отмечает, что «суд над действительностью и человеком приобретает особое значение в творчестве Достоевского. Это суд надо всем: социальным и юридическим законом, над положением человека в обществе и государстве, над взаимоотношениями людей друг с другом, с природой, богом, мирозданием. Именно поэтому проблема преступления и наказания вбирает в себя все другие важные для Достоевского и его современников вопросы: „Кто виноват?“, «Что делать?», «герой времени» и др. <...> Достоевский синтезировал все вопросы в одной проблеме — преступления и наказания. Синтез давал Достоевскому возможность рассматривать их с новой точки зрения, позволяющей оценивать и судить» [Румянцева, 1987, с. 103]. Словно подхватывая и развивая эту мысль, И. А. Соловьева пишет: «С одной стороны, в художественном мире Достоевского прослеживается в качестве сквозной тема русского суда со всеми точными конкретно-историческими приметами. С другой стороны, размышления Достоевского о суде далеко выходят за рамки юриспруденции. И если последовать за писателем, то мы окажемся в поистине необъятной области, где фактически едва ли не любая проблема находит себе специфически „судебное“ преломление. И, напротив, сам многозначный мотив «суда» находит свое отражение в различной проблематике — социальной, философской, идеологической, художественной» [Соловьева, 1998, с. 5]. К подобным выводам позднее прихо-

дит В. А. Бачинин, утверждая, что «для Достоевского в теме преступления сошлись, словно в фокусе, все самые крупные вопросы человеческого бытия, касающиеся Бога и Дьявола, свободы и смерти, вины и ответственности, судьбы и воздаяния» [Бачинин, 2001, с. 52].

В связи с этим хочется отметить возрождение интереса юристов к творчеству Ф. М. Достоевского¹. В мае 1998 г. в Саратове состоялась межвузовская научная конференция «Достоевский и юриспруденция», объединившая преподавателей разных специальностей. Особенно ценны в сборнике материалов конференции статьи С. Л. Вааза «Ф. М. Достоевский как криминолог» и В. И. Синюкова «Достоевский и отечественная правовая ментальность». Особо заметим, что В. И. Синюков называет «художественные образы Достоевского — символами отечественной правовой ментальности» [Синюков, 1999, с. 12], выражением русского правового психологизма. Он признает творчество писателя источником новой методологии правоведения: «Достоевский позволил открыть в праве трансцендентное, т. е. такие характеристики правовых явлений, которые выходят за пределы их позитивно-обыденных свойств: истина, бог, душа. Творчество Достоевского для теории отечественной правовой ментальности выступает подлинно методологическим, ибо позволяет понять как одно духовное целое различные источники, институты, механизмы, этапы правовой истории России, идентифицировать их как самостоятельный культурно-исторический феномен» [Синюков, 1999, с. 10]. А. А. Васильев рассматривает творчество Достоевского, в первую очередь публицистическое, и почвеннические взгляды писателя как один из источников консервативной мысли, охранительной правовой доктрины в России [Васильев, 2010, 2011].

Тем не менее на настоящий момент вряд ли можно считать проблему преступления и наказания в творчестве Достоевского исчерпанной, досконально изученной. Авторы работ, посвященных этой теме, сосредото-

¹ О возрождении интереса к Достоевскому среди юристов можно говорить пока только в отношении наиболее прогрессивных, понимающих право как культурный феномен и принимающих писателя как «великого зачинателя и предопределивателя нашей культурной сложности» (выражение В. Иванова цит. по: [Сараскина, 2011, с. 19]). «Для нашей теории российского государства и права труден сам переход к пониманию права как явления национальной культуры: между правом в традиционном для нас значении синонима действующих законов и культурой — литературой, живописью, музыкой, ваянием, другими ее проявлениями — существует непреодолимая «ведомственная» стена. Юрист видит, конечно, здесь связь, но видит утилитарно, в основном, в плане реализации закона: его интересует, каков культурный уровень субъекта, какая у него психологическая «установка» — положительная или отрицательная по отношению к государству и праву и т. д. [Синюков, 1999, с. 8–9]. Между тем Достоевский предвосхитил «современную ситуацию в правовой культуре и различные течения современной философско-правовой мысли» [Синюков, 1999, с. 9].

ны главным образом на этапе творческого пути Достоевского, связанного с созданием великого Пятикнижия. Апогей интереса писателя к проблемам права действительно совпадает с эпохой начала 60-х гг., но тема ответственности человека, как юридической, так и нравственной, возникает в раннем творчестве. В данном контексте, по нашему мнению, наиболее целесообразным является обращение к произведениям, в которых начинали формироваться идеи, образы, ситуации, давшие импульс для криминально-судебной проблематики зрелых произведений. Таким образом, возникает проблема создания самобытной художественной концепции права в раннем творчестве Достоевского и ее развития в творчестве 1854–1862 гг.

По мнению Г.Д. Гачева, «литература смогла стать в России больше, чем литературой, — житнетворчеством, человековедением, человекострое-нием» [Гачев, 1981, с. 10]; М. М. Бахтин также указывал на текучесть границ «между художественным и внехудожественным, литературой и не литературой» [Бахтин, 1975, с. 476]. Такое органичное единство жизни и творчества особенно характерно для Достоевского, который «„жил в литературе“, без литературы <...> не мыслил своего существования, <...> само существование мыслилось им всегда как творческий акт» [Пономарева, 2001, с. 9]. Многие из биографов и исследователей творчества Достоевского (А. С. Долинин, С. В. Белов, И. Л. Волгин, Г. Б. Пономарева и др.) отмечают, что его личность не вписывается в традиционно узкие рамки биографической хроники, процессы самопознания и творчества нередко смыкаются между собой: то жизнь писателя пребывает в пространстве художественного текста через идентификацию с героем, то текст программирует события жизни. В связи с этими обстоятельствами едва ли правомерно исследование правового текста Достоевского, его «философии преступления» вне биографического контекста.

В современном литературоведении проблема биографизма творчества Ф. М. Достоевского до сих пор остается открытой. Несмотря на обширную биографическую традицию рассмотрения основных констант жизни и личности писателя (история с каемочкой, убийство отца, характер эпилепсии, телесные наказания, ставрогинский грех и др.), «до сих пор и у нас и за рубежом существуют лишь первые опыты научной биографии Достоевского» [Летопись, 1993, т. 1, с. 7]. В связи с этим Альфред Бем называет Достоевского «писателем без биографии» [Бем, 1994, с. 203], И. Л. Волгин, ссылаясь на Л. П. Гроссмана, провозглашает Достоевского обладателем «самой замечательной биографии, вероятно, во всей мировой литературе» [Волгин, 1991а, с. 3], которая «стремится стать „биографией“ русского XIX столетия» [Волгин, 2000, с. 4]. А. Пекуровская высказывает предположение об «установке Достоевского на неединственность биографии», И. Л. Вол-

гин говорит об «известной вариативности событий частной жизни знаменитого лица, „биографическом плюрализме“ [Волгин, 1998, с. 137]. Все это привело к созданию промежуточных по жанру биографий (историко-документальной прозы И. Л. Волгина, романа-исследования Б. И. Бурсова, работ с использованием приема беллетризации [Белов, 2002] либо с открытой установкой на вымысел [Ардекс 1967; Басина, 1979; Брегова, 1971]. Автор последней на сегодняшний день работы, посвященной жизни классика, вынуждена констатировать, что «биография Достоевского по-прежнему актуальна и как научная проблема, и как художественное задание, и как историческое исследование» [Сараскина, 2011, с. 15].

Противоречивость творчества писателя способствовала появлению широкого спектра оценок его личности — от идеализации («пророк», «великий учитель» и «гений духа» (Д. Мережковский)) и негации («русский маркиз де Сад» (И. С. Тургенев), «жестокий талант» (Н. К. Михайловский), «больной гений» (Б. И. Бурсов)) до антиномичных определений («одержимый бесом и святым духом одновременно» (П. В. Анненков), «отцеубица, грешник, моралист, невротик, но и великий писатель» (З. Фрейд)), — что закрепило за ним постоянный статус самой загадочной фигуры в русской литературе¹. Неопределенность личностно-биографического контекста творчества Достоевского, с одной стороны, усложняет задачи исследования его правового дискурса, с другой стороны, всесторонний комплексный анализ последнего в ранний период творчества писателя позволяет прояснить некоторые «темные места» его жизни и личности.

Хронологические рамки исследования обусловлены следующими обстоятельствами. Ряд литературоведов, кроме традиционного «докаторского» периода творчества (1846–1849 гг.), особо выделяют период до великого Пятикнижия². В этой связи кажется не случайным, что составители «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» в трех томах И. Д. Якубович и Т. И. Орнаторская хронологические рамки первого тома ограничивают 1821–1864 гг. Деление жизни и творчества Достоевского на три периода определяется и внелитературными фактами: логично рассмотреть правовую тематику творчества писателя до судебной реформы 1864 г., которая была проведена на концептуальной основе, утвержденной императо-

¹ А. Бем еще в начале прошлого века писал: «Не расширение знания выносим мы от знакомства с его жизнью, а чувство непостижимой загадки. Точно вокруг Достоевского составилась какой-то заговор». Цит. по [Сараскина, 2011, с. 15].

² В. А. Туниманов в качестве предмета рассмотрения избирает период творчества с 1854 до 1862 г. — «второе начало», возвращение Достоевского в литературу» [Туниманов, 1980, с. 6]. Ю. Г. Кудрявцев берет за точку отсчета семипалатинский период и выделяет Досибирское — Сибирское — Послесибирское, накладывая их на три круга проблематики: Событийное — Временное — Вечное.

ром Александром II 29 сентября 1862 г. В то же время едва ли правомерно жесткое ограничение исследования хронологическими рамками, если исходить из представления о единстве и целостности творческой личности писателя. Поэтому с целью расширения контекста привлекались хронологически более ранние и поздние события и произведения.

Методологическая основа исследования. Предлагаемый в работе подход базируется на признании текста как знакового структурного единства, разомкнутого в культурное пространство и предполагающего возможность диалога в системах отношений «автор — произведение — читатель» и «текст — традиция — контекст». Используя термин «дискурс», мы понимаем его в широком смысле как «текст, погруженный в жизнь», предполагающий множественность интерпретаций; текст в совокупности с экстралингвистическими факторами (прагматическими, социокультурными, психологическими и т. д.). Подобный подход потребовал активного привлечения литературы по криминалистике, истории и философии права, использования правоведческой терминологии (субъект, объект, состав преступления, смягчающие обстоятельства и др.), соотнесения процесса правоприменения в творчестве Достоевского с действующими в эпоху писателя законами, решением правовых проблем в творчестве других авторов¹. Осознавая отличие художественной криминографии от документальной, мы старались сохранить специфику литературоведческого анализа, акцентируя внимание на эстетике и поэтике криминальных ситуаций, образов, мотивов в произведениях Достоевского. В исследовании истоков и культурно-исторического контекста художественных произведений мы используем как новые нетрадиционные подходы междисциплинарных исследований (Р. Барт, М. Фуко, Ю. М. Лотман и др.), так и традиционные методы историко-функционального и историко-типологического исследования, разработанные русской академической школой (А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский и др.). В анализе отдельных текстов и их сопоставлении на уровне поэтики мы пользуемся современными методами структурно-семиотического, мотивного анализа, опираясь на труды Ю. М. Лотмана, Б. М. Гаспарова, В. Н. Топорова, А. К. Жолковского и др.

¹ Рассматривая зрелое творчество писателя (преимущественно «Преступление и наказание», черновые материалы поэмы «Император», «Братья Карамазовы») в контексте судебной реформы 1864 г., Л. Параккини избирает основным методом исследования «юридический анализ текстов Достоевского, т. е. сравнение литературных и публицистических произведений с основными положениями теории философии права и юридическими документами того времени» [Параккини, 2004, с. 8]. В противоположность итальянской исследовательнице, в качестве методов исследования мы избираем совокупность литературоведческих методов анализа.

Научное издание

Сафронова Елена Юрьевна

**ДИСКУРС ПРАВА В ТВОРЧЕСТВЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО 1846–1862 гг.**

Монография

Редактор Л. И. Базина

Подготовка оригинал-макета: О. В. Майер

Издательство Алтайского государственного университета

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997 г.

Подписано в печать 10.07.2013

Форма 60x84/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная.

Усл. печ. л. 10,69. Тираж 100 экз. Заказ 236.

Типография Алтайского государственного университета:

656049, Барнаул, ул. Димитрова, 6б